

Л.В. Горяева

**О подлинных и мнимых источниках
малайского зеркала «Корона царей»
(Бухари ал-Джаухари, ал-Газали и другие)**

Малайский дидактический трактат «Корона царей» — классическое сочинение в традиции ближневосточных литератур *адаба*, свод нравственных предписаний для государей и их ближайшего окружения. Приводя в тексте отдельные цитаты и сюжеты, автор трактата ссылается на множество источников — от Пятикнижия, Корана и хадисов до арабских и персидских сочинений по этике, истории, медицине и педагогике: всего около полусотни, подавляющее большинство которых, как удалось показать, оказались мнимыми. Напротив, реальными источниками для написания трактата послужили сочинения известнейших мусульманских философов и писателей, прежде всего ал-Газали, а также ан-Насафи и ат-Туртуши, которые были либо скрыты автором, либо упомянуты в неполных или не прямых ссылках.

Ключевые слова: малайская литература, зеркала для правителей, *адаб*, ал-Газали.

Созданный в начале XVII в. дидактический трактат Бухари ал-Джаухари «Корона царей» (*Тадж ас-салатин*) принадлежит к числу наиболее известных произведений малайской классической литературы. Его арабописьменный текст дошел до нас в десятках списков, хранящихся в собраниях Индонезии, Малайзии, Великобритании, Нидерландов, Германии и т.д. О популярности сочинения в островной Юго-Восточной Азии свидетельствуют и его переводы на яванский и ачехский языки, в том числе и в стихотворной форме, а также многочисленные издания — полностью и в отрывках (Voorhoeve, 1994, p. 186–187)¹. С распространением в Нусантаре² книгопечатания трактат неоднократно издается и переиздается — и в арабской графике, и в транслитерации на латиницу. Будучи первым малайским сочинением в жанре *Fürstenspiegel* — «зеркала для правителей», — трактат послужил образцом и источником прямых заимствований для ряда позднейших малайских назидательных сочинений (Jelani Harun, 2001, p. 133–158).

«Корона царей» явилась первым и наиболее выдающимся малайским образцом литературы *адаба*, характеризующейся своей просветительской и назидательной направленностью и широко представленной в литературах арабо-мусульманского мира. В центре внимания авторов, пишущих в этом жанре, находились аспекты бытия, имеющие отношение к социальному статусу человека и приличествующим ему правилам поведения в обществе. В числе авторов первых арабских *адабных* сочинений можно упомянуть таких выдающихся мусульманских писателей, как Ибн ал-Мукаффа (724–759) — автор *Китаб адаб ал-кабир* («Свод правил [нравственного поведения]») и создатель десяти томного зеркала для правителей *'Уйун ал-ахбар* и трактата

¹ См. краткое изложение содержания поэмы *Serat Tajussalatin* в: Poerwasoewignja, Wirawangsa, 1920 (цит. по: Asdi, 1981, p. 17).

² Нусантара (мал. «архипелаг») — традиционное наименование малайско-индонезийского культурного ареала.

Адаб ал-катиб («Правила для секретарей») Ибн Кутайба (828–889). Дальнейшее развитие этот жанр получает на рубеже XI и XII вв., когда на периферии мусульманского мира (в основном, на его востоке), с выходом на политическую арену неарабских династий возникает потребность нового осмысления исламской концепции власти в ее соотношении с историческими традициями персидской государственности. Языком зеркал, наряду с арабским, становится и персидский. В этот период создаются такие выдающиеся образцы жанра, как персидские *Кабус-намэ* Кай-Кавуса (р. 1021/2) и *Сиясет-намэ* Низама ал-Мулка (1018–1092), арабо-персидское *Насихат ал-мулук* ал-Газали (1058–1111), арабское *Сирадж ал-мулук* ат-Туртуши (1060–1126).

При всем их тематическом, стилистическом и композиционном разнообразии *адабные* сочинения арабо-мусульманского мира объединяла общность того историко-культурного наследия, на которое опирались их авторы. Впитав в себя предания далеких доисламских времен, истории, связанные с именами царей и мудрецов древнего Ирана и античной Греции, ветхозаветных пророков, первых мусульманских халифов и подвижников ислама, эти произведения изобиловали «бродячими», переходящими из одной книги в другую, сюжетами, притчами и афоризмами, призванными иллюстрировать те или иные нравственные предписания или советы житейского характера.

Как и большинство сочинений дидактического жанра — от древнеиндийской *Артхашастры* Каутильи³ до «Государя» Никколо Макиавелли⁴ — «Корона царей» адресована тем лицам, от которых в наибольшей мере зависело благополучие государства — правителям и их приближенным (вазирам и секретарям), предлагая читателю самый широкий спектр наставлений — от поучений религиозного характера до практических советов.

Тематически трактат выстроен поглавно следующим образом:

Введение.

Глава 1. О познании человеком самого себя, о том, откуда он произошел и что собою представляет.

Глава 2. О том, как Господь создал мир, человека и все прочее.

Глава 3. О том, что есть мироздание, и о месте в нем человека.

Глава 4. О конце жизненного пути человека и его последнем вздохе в минуту кончины.

Глава 5. О сущности власти правителя, султана либо иного повелителя.

Глава 6. О справедливости и о том, как ее соблюдать.

Глава 7. О нравах справедливых владык и о тех государях, которые исполняли свой долг по совести.

Глава 8. О неверных, но справедливых владыках.

Глава 9. О тирании и о тиранах.

Глава 10. О министрах и о высоком предназначении тех, кто находится на этой должности.

Глава 11. Об обязанностях секретарей.

Глава 12. Об обязанностях, возлагаемых на посланников государя.

Глава 13. О государевых служащих.

³ Артхашастра (санскр.) — «Наука о пользе», сводный трактат по науке управления и политике, приписываемый Каутилье, полубогородному министру основателя династии Маурьев Чандрагупты I, но составленный, вероятно, в I–II вв.

⁴ «Государь» (Il Principe) — трактат о принципах управления государством, принадлежащий перу итальянского историка и политического мыслителя Никколо Макиавелли (1469–1527).

- Глава 14. О том, каким образом надлежит воспитывать детей.
 Глава 15. О том, что есть истинное нравственное величие.
 Глава 16. О том, что есть ум и каковы собой умные люди.
 Глава 17. О правилах, которые надлежит соблюдать при управлении государством.
 Глава 18. О науках *киафат* и *фирасат*⁵.
 Глава 19. О признаках, по которым, согласно наукам *киафат* и *фирасат*, можно определить характер человека
 Глава 20. О том, как должны строиться отношения между государем и его подданными.
 Глава 21. Об отношениях между правоверными владыками и их неверными подданными.
 Глава 22. О щедрости и благотворительности.
 Глава 23. О верности данному слову.
 Глава 24. Заключительная.

Как можно заметить, темы первых четырех глав затрагивают общий круг проблем общефилософского характера, важных не только для правителя, но и для любого мусульманина вообще: познания самого себя и Бога, сущности мироздания и места человека в нем, завершения земного пути человека. В последующих пяти главах речь идет о значении царской власти, о справедливости и тирании, правосудных и жестоких царях — как мусульманах, так и неверных. В главах 10–13 автор переходит к обязанностям, возлагаемым на государевых приближенных (министров, секретарей, послов и прочих чиновников). Из оставшихся одиннадцати глав часть (17, 20 и 21) посвящена вопросам управления государством, а другая разнообразным советам нравственного (15, 16, 22 и 23) и житейского (14, 18 и 19) свойства. Наконец, заключительная, 24-я глава рассуждает о значении книги и круге читателей, которым она может принести пользу.

Несмотря на то, что трактат Бухари ал-Джаухари был издавна и весьма хорошо известен и в Нусантаре, и в Европе, неизменным предметом дискуссии между исследователями оставался вопрос: является ли «Корона царей» оригинальным малайским сочинением, переводом доселе неизвестного персидского зеркала или же простой компиляцией нравственных предписаний, изречений и исторических анекдотов, собранных по крупицам в обширном океане арабо-персидского повествовательного наследия? Каждая из этих гипотез имела право на существование и, как это ни парадоксально, при ближайшем рассмотрении нашла свое частичное подтверждение (подробнее об этом ниже). Ближе всего к истине представлялось последнее предположение, поскольку об этом во вступительной части трактата недвусмысленно заявил сам Бухари: «Есть немало достославных и великих книг, прославленных по всем странам, слова которых любезны всем просвещенным... Изо всех этих сочинений ничтожный Бухари извлек изящные речения и примеры, словно цветы, выращенные в их садах, отобрал и сплел их воедино...».

Подобное признание автора отнюдь не означает, однако, что трактат представляет собой механическую компиляцию заемных цитат. Рука автора ощущается, прежде всего, в четкой композиционной выстроенности как всего памятника в целом, так и отдельных его глав. В большинстве из них (в 15 из 24) изложение основной темы сопровождается арабской цитатой из Корана или хадисов, за которой следует их перевод на малайский и пространный комментарий, обычно открывающийся прямым

⁵ Слова *киафат* и *фирасат* обозначают соответственно статический и динамический аспекты физиогномики: *киафат* — определение характера человека по его внешности, а *фирасат* — по его поведению.

обращением автора к читателю («О благоразумные! Внятно ли вам сказанное мною, уясняете ли вы его возвышенный смысл?»). Нередко Бухари резюмирует главную мысль главы или какого-то ее раздела при помощи стихотворения, предваряемого вводными словами: «Ничтожный Бухари сказал об этом так: ...». Лапидарность и афористичность, присущие стиху, словно завершают разработку темы в композиционном плане.

В качестве иллюстрации автор использует уже упомянутые, взятые из различных источников, «речения и примеры» — исторические анекдоты, притчи и афоризмы мудрецов, царей, пророков и других выдающихся деятелей исламского и доисламского прошлого. Однако при этом он стремится четко разграничить область собственной прямой речи (обращения к читателю, стихотворные парафразы) и заимствованный иллюстративный материал. В отличие от многих других произведений назидательного жанра, принадлежащих арабо-мусульманской культурной традиции, трактат Бухари содержит прямые ссылки на источники приведенных в нем цитат — *адабные* сочинения арабского или персидского происхождения. Обычно они вводятся в повествование словами: «В книге *Кысас ул-анбийя* рассказывается следующее: ...» или «В книге *Танбих ал-гафилин* сказано: ...». Многочисленные цитаты из Корана и хадисов вводятся словами: «Рек Всевышний Аллах» или «Пророк (мир ему!) сказал так».

В заключительных строках «Короны царей» автор прямо и недвусмысленно утверждает, что благодаря этому сочинению имя Бухари будет «увековечено в мире вплоть до дня Страшного суда». Очевидно, что Бухари отнюдь не стремился преуменьшить ни свою авторскую роль, ни свою высокую проповедническую миссию. Свидетельством тому является то важное место, которое занимает в трактате его «прямая речь»: постулирующие и резюмирующие тему каждой главы прозаические или стихотворные пассажи. Ссылки же на источники призваны у Бухари маркировать область «косвенной речи» — рассказы «из чужих уст».

Несмотря на широкую и заслуженную известность «Короны царей», достоверные сведения о личности ее автора — его этнической принадлежности, биографии, социальном статусе — практически отсутствуют. Во «Введении» к трактату и в его завершающей главе Бухари формулирует задачу, стоявшую перед ним при его написании, рассуждает о том, какой он видит свою аудиторию, и т.д., но не сообщает о себе никаких данных личного характера, открывая тем самым широкое поле для всевозможных догадок. Их предметом стало, прежде всего, само имя автора «Короны».

По установившемуся мнению, имя Бухари ал-Джаухари имеет два значения: «Бухари (т.е. бухарец)-ювелир» и/или (по созвучию слов *jauhari-Johori*) «Бухари из Джохора»⁶. Во «Введении» «ювелиром» — создателем драгоценной «Короны» — именует себя сам автор:

Наименование «**Корона царей**»
Здесь более чем уместно.
Книга эта — корона,
А каждое слово в ней — самоцвет.
И скажу лишь только,
Что эта книга — воистину драгоценность.

⁶ Джохор — малайский султанат, расположенный на южной оконечности Малаккского полуострова. Подобный «двойной» вариант перевода слова *Jauhari* получил самое широкое распространение начиная с самого издателя публикуемого текста и его французского переводчика (см. выше примеч. 3); той же точки зрения придерживался и Х. Хоойкаас (Нооукаас, 1947, р. 167). С Джохором связывает Бухари и Халид Хуссейн (Bukhari al-Jauhari, 1966, р. XV).

Драгоценность, звукам которой ты внимаешь,
 Драгоценность, сущность которой ты зришь.
 Мои драгоценности — всего лишь слова,
 А я — их ювелир.
 Если они и для вас драгоценности —
 Я для вас тоже являюсь ювелиром...

Вопреки утверждению одного из первых исследователей и переводчиков трактата — Аристида Марра (Marr, 1878, p. 12–13), ни в этом отрывке, ни во всем остальном тексте ничто ни прямо, ни косвенно не указывает на джохорское происхождение «бухарца»-Бухари. Возможно, А. Марр сделал такое заключение, опираясь на заглавие книги, с которой он делал свой перевод, — издания Ф.П. Роорды ван Эйсинги. На титульном листе последней значится буквально следующее: *Bahwa ini kitab Taj as-salatin yaitu Makota segala raja-raja yang dikarangkan oleh Bukhari di Johor serta disalinkan oleh F.P. Roorda van Eysinga...* («Это книга *Тадж ас-салатин*, то есть *Корона царей*, сочиненная Бухари в Джохоре и переведенная Ф.П. Роордой ван Эйсингой...»). Автором текста титульного листа, выдержанного в стиле традиционных малайских рукописей, без сомнения, явился сам издатель и переводчик — Ф.П. Роорда ван Эйсинга. Однако ни в предисловии, ни в примечаниях не указано, что значилось на титульных листах оригинала и иных рукописей, использованных им для сверки, и есть ли там этот пассаж — «сочиненная... в Джохоре».

Вопросы вызывает и сама, привычно используемая в традиции, конструкция — Бухари ал-Джаухари. Автор обычно именуется в тексте «ничтожным Бухари» (*Bukhari yang hina*), «просвещенным Бухари» (*Bukhari yang arif*), «смирненным Бухари» (*Bukhari yang fakir*), «изумленным Бухари» (*Bukhari yang heran*), и в приведенном ниже отрывке, говоря о себе как о «Бухари-ювелире», использует в качестве связки не арабский артикль *al-*, а все то же союзное слово *yang* (который), называя себя *Bukhari yang Jauhari*. В отличие от арабского артикля *al-*, используемого в *нисбах*, малайское *yang* не создает изафета. По-видимому, лапидарная формула «Бухари ал-Джаухари» возникла в традиции позднее, на основе образа, предложенного самим автором («ювелир» = создатель «Короны»), а позднее ее стали трактовать как *нисбу* автора — «джохорец» (ср. ас-Самарканди, ат-Туси, ат-Тирмизи и т.п.).

Не выясненным до конца остается и вопрос о самом имени «Бухари». В значении «бухарец» оно употребляется в арабской традиции (ср. имя знаменитого *мухаддиса*⁷: ал-Бухари). В персидском же языке понятие «бухарец» передается словом «Бухарай» (с долгим *алифом*). По мнению Ф.П. Роорды ван Эйсинги, «Бухари» является не *нисбой* автора первого малайского зеркала, а своего рода почетным прозвищем, свидетельствующим о высокой образованности его носителя (Roorda van Eysinga, 1827, p. 3)⁸.

Не вызывает сомнения принадлежность Бухари ал-Джаухари к кругу просвещенных и образованных людей, близких ко двору правителя, имя которого в книге, однако, ни разу не названо. О том, что последний был непосредственным адресатом его сочинения, свидетельствуют следующие строки-посвящение:

⁷ *Мухаддис* — составитель сборника преданий (хадисов) о словах и действиях пророка Мухаммада.

⁸ Издатель возводит этимологию этого имени к якобы существовавшему в древнеарабском языке слову *Bochar*, что означает «умудренный, знающий», однако в арабских словарях такого значения корня *б.х.р* обнаружить не удалось. Ближайшее по созвучию и смыслу персидское слово с таким значением — *бэхрад* («мудрец»).

...Итак, ясно, что Бухари-ювелир
 Поработал над украшением этой короны.
 Тот, кого венчает корона,
 Именуется мною «Владыкой Вселенной».
 Это имя принадлежит ему по праву,
 И корона эта⁹ — знак моего уважения к нему.

Датировать свое сочинение помог читателям сам Бухари, предложивший в качестве шифра слово *ḡāyb* (перс. «гайна»; «отсутствие»; «тайный», «отсутствующий»; также «сокровенный»), каждая буква которого, согласно древней арабской системе *абджад*, имеет свое числовое значение. *ḡāyb* на письме обозначается тремя буквами — «гайн», «йа» и «ба», их числовое значение, согласно *абджаду*, таково: «гайн» = 1000, «йа» = 10, а «ба» = 2, что составляет в сумме 1012 г. хиджры или 1603 г. по христианскому летосчислению. Именно эта дата стала для исследователей отправной точкой и позволила высказать предположения, касающиеся места написания трактата и личности правителя, которому была посвящена книга.

По единодушному мнению большинства из них, местом создания «Короны царей» был расположенный на северной оконечности Суматры султанат Аче, где языком письменной культуры был малайский — *lingua franca* мусульман Индонезийского архипелага. Находясь на перекрестке морских путей, соединяющих страны Ближнего и Среднего Востока с Дальневосточным регионом, Аче после завоевания Малакки португальцами в 1511 г. стал важнейшим мусульманским торговым центром региона. На рубеже XVI–XVII вв. султанат переживал период своего расцвета, а в зоне его влияния находилась практически вся западная часть Нусантары. Роскошь и великолепие ачехского двора восхищали многих европейских путешественников (Beaulieu, 1996; Gray, Bell, 1887–1890, p. 159–160). С ростом экономической и политической экспансии европейских держав в Нусантаре им приходилось искать общий язык с правителями пока еще независимого Аче. Именно поэтому английская королева Елизавета I в июне 1602 г. (то есть фактически в то самое время, когда создавалась «Корона царей») направляет в Аче посольство, возглавляемое сэром Джеймсом Ланкастером, с дорогами подарками и письмом, содержащим предложение его правителю заключить договор о «мире и дружбе» (Markham, 1877, p. 74).

Предположение, что именно этому сюзерену — султану Ала уд-Дину Ри'айат-шаху Саййиду ал-Мукаммилу, носившему титул «Владыки Вселенной» (*Syah 'Alam*) и правившему в Аче в 1589–1604 гг., — и посвятил свое сочинение Бухари, было впервые высказано голландским исследователем Х. Хойкаасом (Нооукаас, 1947, p. 166.). Той же точки зрения придерживались такие виднейшие малайсты, как Р.О. Винстедт (Винстедт, 1966, с. 162), Д. Ломбар (Lombard, 1967, p. 154; 1990, vol. II, p. 133), В.И. Брагинский (Брагинский, 1983, с. 313–314) и другие. Решающим аргументом в пользу данного предположения служила главенствующая роль Аче в малайском мире на рубеже XVI–XVII вв. и пышность его двора, ставшего центром притяжения для многих высокообразованных людей той эпохи.

Разумеется, поскольку о Бухари как реальном персонаже отсутствуют какие-либо прямые или косвенные свидетельства¹⁰, его возможная связь с Аче и личностью султана Ала уд-Дина Ри'айат-шаха Саййида ал-Мукаммила пока еще не получила доку-

⁹ Т.е. «Корона царей».

¹⁰ Примером «косвенного свидетельства» можно считать, например, известное упоминание Ланкастера о встрече при дворе правителя Аче с некими «архиепископом» и еще одним «благородным господином из числа старой знати», одним из которых, как предполагают, был знаменитый ачехский суфий и поэт Хамза Фансури (al-Attas, 1966, p. 9).

ментального подтверждения. Впрочем, в пользу этой версии может свидетельствовать еще одно обстоятельство, связанное с политической ситуацией в Аче начала XVII в. и позволяющее предположить, что Бухари вполне сознательно умалчивает в своем трактате имя покровительствующего ему государя.

Став султаном уже в преклонном возрасте, Ала уд-Дин Ри'айат-Шах, согласно данным португальских источников, проявил себя суровым самодержцем, стремившимся к централизации власти и обрекшим на казнь многих вельмож из числа старой знати. Борьба за трон между двумя сыновьями султана началась еще до его кончины. В итоге, закованный в кандалы, он вместе с женой был отправлен в темницу, где и умер в 1604 г. Существовала и иная — официальная — версия, согласно которой султан Ала уд-Дин Ри'айат-шах Саййид ал-Мукаммил скончался на год раньше, в 1603 г., и соперничество за трон между двумя сыновьями началось уже после его смерти (Pyrard de Laval, 1619, p. 98; цит. по: Lombard, 1967, p. 70). Как бы ни обстояло дело в действительности, очевидно, что в 1603 году, когда создавалась «Корона царей», ситуация с престолонаследием в Аче была довольно неопределенной. Не исключено, что Бухари, зная об этих интригах и о весьма преклонном возрасте Ала уд-Дина Ри'айат-шаха, из осторожности воздержался от называния своего покровителя по имени в тексте трактата.

Помимо «ачехской» версии, связывающей Бухари с Северной Суматрой, существует версия «джохорская», которой следом за Ф.П. Роордой ван Эйсингой придерживались уже упомянутый А. Марр (Marre, 1878, p. 1), а также малайзийский исследователь, публикатор «Короны» на латинице Халид Хусейн (Bukhari al-Jauhari, 1966, p. XI, XIV). В примечаниях к переводу «Короны» Роорда ван Эйсинга пишет, что трактат был сочинен во время правления «Ала Улудина (sic!) Шаха, султана Джохора (sic!), шестнадцатого правителя (Vorst) малайцев и десятого из их царей (Koningen), принявших исламскую веру; при нем голландцы впервые появились в Джохоре» (Roorda van Eysinga, 1827, p. 2). Это утверждение очевидно идет вразрез с «ачехской» версией и поэтому заслуживает более подробного рассмотрения.

Во второй половине XVI в. княжество Джохор находилось в состоянии перманентной войны как с укрепившимися в Малакке португальцами, так и со своим давним соперником — Аче. В 1564 г. ачехцы напали на Джохор, взяли в плен его султана Ала уд-Дина Ри'айат-шаха II. Затем на джохорский престол вступил Музаффар-шах II — сын покойного султана, который всячески стремился продемонстрировать свою независимость от Аче и с этой целью перенес столицу княжества в Селуют. После его кончины, последовавшей в 1570 г., султан Абдул Джалил-шах II вернул столицу на прежнее место — в Джохор Лама, защитив ее цепью оборонных сооружений. Вскоре Джохор вновь становится важным центром международной торговли, однако новый виток войны против португальцев, возобновившейся в 1586 г., приводит в результате к его поражению.

В результате на рубеже XVI и XVII вв. Джохор еще сохранял свой суверенитет, но фактически находился в состоянии полуассальской зависимости от Аче. Именно поэтому с появлением голландцев на архипелаге султан Джохора, сын скончавшегося в 1597 г. Абдул Джалил-шаха II — Ала уд-Дин Ри'айат-шах III, — ищет с ними союза, чтобы противостоять и португальцам, и своему набирающему силу островному соседу (История стран, 1970, с. 519). Позднее, в 1613 г., ачехский правитель Искандар Муда проводит успешную военную операцию против Джохора, в ходе которой Ала уд-Дин Ри'айат-шах III становится его пленником. По заключении мирного договора между Аче и Джохором Ала уд-Дин Ри'айат-шах III ненадолго обретает свободу, однако вскоре его сотрудничество с голландцами, а также португальцами, вызывает

гнев правителя Аче. Джохорский султан снова оказывается в плену, где его и постигает кончина (Lombard, 1967, p. 92).

Как можно заметить, имя «Ала уд-Дин Ри'айат-шах» носили сразу несколько правителей. Это султан Малакки Ала уд-Дин Ри'айат-шах I (правил 1477–1488), султаны Джохора Ала уд-Дин Ри'айат-шах II (правил 1528–1564) и Ала уд-Дин Ри'айат-шах III (правил 1597–1615), а также ачехские султаны Ала уд-Дин Ри'айат-шах ал-Каххар (правил 1537–1571) и уже упомянутый ранее Ала уд-Дин Ри'айат-шах Саййид ал-Мукаммил (правил 1589–1604). Если согласиться с «джохорской» версией, то упоминаемым Роордой ван Эйсингой «султаном Джохора», шестнадцатым правителем малайцев и десятым из их царей, принявших ислам, при котором в княжестве «впервые появились голландцы», является не кто иной, как Ала уд-Дин Ри'айат-шах III, будущий пленник Аче, а отнюдь не его современник, ачехский султан Ала уд-Дин Ри'айат-шах Саййид ал-Мукаммил. К тому же слово «Аче» вообще ни разу не фигурирует ни в предисловии Ф.П. Роорды ван Эйсинги, ни в его примечаниях к переводу.

Поскольку издатель никак не аргументировал предложенную им «джохорскую» версию, едва ли есть возможность с уверенностью утверждать о его правоте. Однако сам факт его работы как минимум с пятью рукописями памятника позволяет предположить, что прямые или косвенные сведения о связи Бухари с Джохором Роорда ван Эйсинга обнаружил именно в них. Что же касается «ачехской» версии, то она, вполне возможно, возникла из-за совпадения имен правителей двух султанатов — Аче и Джохора. Однако распространение власти Аче на Джохор произошло лишь во втором десятилетии XVII в., и в 1603 г. ачехский султан вряд ли мог считаться одновременно «султаном Джохора».

Не исключена, разумеется, и компромиссная, «ачехско-джохорская», версия. Как известно, после завоевания португальцами Малакки в 1511 г. лидирующая роль в малайском мире на первых порах перешла к Джохору, чьи султаны издавна находились в родственных связях с правителями соседних государств и областей Юго-Восточной Азии: Сиам, Паханга, Патани, Перака, Сиака, Сингапура, а позднее — к Аче. На всем протяжении своей истории Джохор неоднократно переживал и взлеты, и падения, однако неизменно оставался признанным центром малайской образованности, колыбелью литературного малайского языка (*bahasa Melayu Johor-Riau*). Весьма возможно поэтому, что Бухари, при всем уважении к «Владыке Вселенной» (если считать таковым правителя Аче), по тем или иным соображениям предпочитал держаться на почтительном расстоянии от его двора и работу свою выполнил, пребывая в Джохоре — культурной столице малайского мира.

В тексте трактата не указано не только имя сюзерена-покровителя Бухари и название страны, которой он правит, — в нем также не встретишь **ни одного географического названия, ни одного имени персонажа, которое относилось бы к малайскому культурному ареалу** или региону Юго-Восточной Азии в целом. Единственным исключением, пожалуй, является обращение автора в главе 21 к государям «подветренных стран» (т.е. стран Индонезийского архипелага), где он объясняет им, каким образом следует обращаться с теми из их подданных, что не исповедуют ислам (с. 201) — но и здесь Бухари с самого начала заявляет, что правила эти заимствованы им из арабского первоисточника — так называемого «Договора Омара» (*Ahd-намэ 'Умар*).

Знакомы малайцев (или — шире — всех владеющих малайским языком) с традициями мусульманского *адаба*, Бухари выступает не только как просветитель, но и как миссионер. Его руководство для правителей — это прежде всего вдохновенная

проповедь, призванная донести ценности ислама до новообращенных. Поэтому главной особенностью трактата является опора на Коран и Сунну при рассмотрении любых — и духовных, и практических — вопросов, прославление шариата и порицание ересей (*bud 'a*), подчеркивание благочестия тех мусульманских владык, которых автор ставит как пример для подражания. Очевидно, что сами малайские читатели представляются Бухари своеобразной *tabula rasa*, лишенной какого-либо позитивного цивилизационного опыта, к которому можно было бы апеллировать.

Примечательно в этой связи, что само слово «малаец», «малайский» (*Melayu*) на всем протяжении трактата употреблено лишь дважды. В первом случае, говоря о том, каким образом проявляются высокие нравственные качества правителя, Бухари использует привычное для его читателей сравнение: «...подобно тому, как у малайцев крис¹¹ есть признак благородного звания...». Во втором случае понятие *Melayu* употреблено в явно уничижительном смысле: завершая свое сочинение, Бухари противопоставляет «Корону царей» занимательным повестям (хикайатам), что издавна пользовались у малайцев особой популярностью:

«Подданные должны предписать своим детям и внукам, по завершении ими изучения Корана, обращаться к этой книге и отказаться от чтения прочих повестей¹², ибо тем, кто их читает или слушает, все эти столь распространенные в малайской земле повести несут погибель как в этом мире, так и за гробом. В них содержатся лживые и кощунственные истории, и тот, кто их читает или слушает, совершает преступление» (с. 223).

Для сравнения, слово *Arab* («арабский») употреблено в тексте трактата 14 раз, чаще всего — в связке со словами *kaum*, *rakyat*, *bahasa* («язык», «народ», «страна»), а слово *Ajam* («Персия», «персидский») — 19 раз, по большей части в связке со словами *raja*, *segala* («царь», «все [жители страны]»). Во всех случаях по контексту и *Arab*, и *Ajam* сами по себе лишены какой-либо — положительной или отрицательной — коннотации, что естественно, когда автор говорит о «своей», близкой ему культуре, воспринимаемой им как «норма».

Очевидно, таким образом, что, используя в своем трактате основные реалии и понятия, связанные с бытом и образом жизни малайцев, Бухари при этом решительно отказывается признать какие-либо достоинства за их культурным прошлым, губительным для души истинного мусульманина: от этого прошлого его читатели должны со всей решительностью отречься. Подобная «отстраненная» по отношению к более раннему малайскому наследию позиция и отсутствие в трактате Бухари каких-либо ссылок на события или деятелей малайской истории явились причиной того, что большинство исследователей считало его «человеком со стороны» — «бухарцем» или «уроженцем Гуджарата», изучившим малайский язык и обосновавшимся в Аче или Джохоре.

Очевидно, что ни сам текст трактата, ни какие-либо (пусть самые правдоподобные) предположения и исторические выкладки не дают нам возможности с достоверностью восстановить предполагаемую биографию писателя. Напомним лишь, что «Корона царей» остается единственным малайским сочинением, дошедшим до нас от автора, именовавшего себя «Бухари». Будучи первым (а долгое время оставаясь и единственным) зеркалом для правителей, «Корона царей» вполне обоснованно была отнесена Д. Ломбаром к кругу «нормативных» сочинений эпохи расцвета малайского

¹¹ *Крис* — кинжал с извилистым клинком, также играющий роль ритуального оружия. Крисы богато отделяются и передаются по наследству (от отца — к сыну, от тестя — к зятю).

¹² Имеются в виду повести (хикайаты) развлекательного характера.

ислама¹³. Основанием и побудительной причиной для создания подобных сочинений нередко служат не столько литературные, сколько политические и идеологические соображения и обстоятельства. Предположить возможно поэтому, что Бухари обратился к написанию своего трактата, выполняя своеобразный «социальный заказ» своего покровителя (или же по собственной инициативе), но, помимо «Коронь», не оставил после себя ни одного написанного по-малайски (или, по крайней мере, под этим именем) сочинения.

* * *

Во вступительной части трактата Бухари заявляет, что при его написании он использовал «изящные речения и примеры» из «многих достославных и великих книг», и тут же перечисляет некоторые из них — *Минхадж ас-салатин*, *Ахлак ал-Мухсени*, *Сарр ал-мулук*, *Сифат ал-мулук*, *Ахбар ал-мулук*, *Сифат ас-салатин*, *Адаб ал-'умара*. В последующих главах в ходе повествования он многократно ссылается на вышеперечисленные источники, а также на многие другие — общим числом не менее пятидесяти. Тем самым автор как бы удостоверяет широту своей эрудиции и масштаб охваченного им материала. Ссылками на первоисточники у Бухари обычно предваряются вставные истории, анекдоты и изречения, иллюстрирующие тезис, заявленный в начальной, «постановочной» части той или иной главы («В книге такой-то сказано...»).

Вопрос о достоверности, аутентичности этих ссылок исследователями трактата обычно не ставился: скрупулезное упоминание автором источников цитирования казалось лучшим свидетельством его авторской корректности. Однако, как нам удалось обнаружить, лишь малая часть этих цитат действительно соответствует первоисточникам, а сам «список использованной литературы» выглядит измышлением, если не мистификацией, в ходе которой автор выдает цитату, взятую из одного (неназванного им) сочинения за заимствование из другого.

О немногочисленных достоверных цитатах и ссылках подробнее будет сказано ниже. Здесь же необходимо подчеркнуть главное: **название основного, широко используемого Бухари, источника на страницах трактата не поименовано ни разу**. Речь идет о уже упомянутом выше знаменитом «Наставлении правителям» (*Насихат ал-мулук*) крупнейшего мусульманского философа и богослова Мухаммада ал-Газали (1058–1111)¹⁴.

В отличие от философских трудов ал-Газали, трактат *Насихат ал-мулук* первоначально был написан им по-персидски и уже после его смерти переведен на арабский Абу-л Хасаном ал-Ирбили; арабский перевод трактата был известен в традиции под названием *Ат-Тибр ал-масбук фи насихат ал-мулук* (Bagley, 1964, p. XVIII). Первая часть трактата имеет четыре подраздела, касающихся десяти «корней» веры, десяти ее «ветвей» и двух питающих ее «источников». И стиль, и содержание первой части весьма характерны для богословских сочинений ал-Газали и представляют собой авторскую переработку одного из разделов его знаменитого трактата *Кимийа-йи са'адат*¹⁵. Вторая же часть *Насихат ал-мулук* композиционно заметно отличается от

¹³ По мнению автора термина, Д. Ломбара, к этой группе сочинений принадлежат, помимо «Коронь царей», законодательные трактаты *undang-undang* (уложения).

¹⁴ В прилагаемых таблицах ссылки на указанное сочинение даются нами по его английскому переводу Ф. Бэгли (Bagley, 1964), опирающемуся на персидский текст в издании Джалала Хуман и арабский текст из собрания Бодлеянской библиотеки, изданный Х.Д. Исааксом.

¹⁵ См. в русском переводе: «Основа десятая из столпа поведения: об обладании подданными и об управлении» (Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ат-Туси, 2007, с. 294–314).

первой: она в свою очередь делится на семь глав и представляет собой собственно зеркало для правителей.

Хотя подобным членением область ценностей высшего порядка как бы отграничивается от области житейской мудрости, содержание двух этих частей во многом пересекается друг с другом. Так, и первая, и вторая части, как и положено *адабным* сочинениям, украшены множеством назидательных историй и изречений. Однако, если в первой части трактата в этих историях фигурируют лишь деятели эпохи раннего ислама и ветхозаветные пророки, то вторая к тому же изобилует сюжетами, преданиями и афоризмами доисламских времен: сасанидского Ирана и Древней Греции. Последнее, по мнению некоторых исследователей, является неопровержимым свидетельством того, что вторая часть трактата Газали не принадлежит его перу и была дописана и присоединена к первой в период, когда *Насихат ал-мулук* переводился на арабский язык, то есть на исходе XII в., когда в сельджукской империи стала проявляться известная толерантность в отношении доисламского прошлого (Crope, 1987, p. 167–197; Hillenbrand, 1988, p. 92; Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ат-Туси, 2007, с. 315–367)¹⁶. Как бы то ни было, с момента появления арабского перевода *Насихат ал-мулук* части 1 и 2 этой книги существовали в традиции как единое целое. Именно в этом качестве трактат ал-Газали и стал источником заимствований для Бухари. Определенное влияние на Бухари оказала также и часть 1 *Кимийа-йи са'адат* (Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ат-Туси, 2002) — по преимуществу, в композиционном плане.

Почти дословный пересказ соответствующих фрагментов *Насихат ал-мулук* представляют собой главы 3, 7, 8, 10, 15, 16, 17, а также отдельные отрывки «Введения», 4-й, 5-й, 6-й, 9-й 11-й, 12-й и 20-й глав. Из подстрочных примечаний к переводу, а также данной в Приложении таблицы «Цитаты из ал-Газали в „Короне царей“» ясно видно, что Бухари как компилятор обращался с первоисточником весьма свободно и располагал отдельные пассажи, сюжеты или целые блоки сюжетов в совсем иной, удобной для него последовательности. В этом — еще одна примета «авторского» почерка Бухари, проявившегося в композиции трактата более, чем в чем-либо другом.

Широко цитируя «Наставление правителям», Бухари тем не менее практически нигде не ссылается на свой первоисточник. Правда, в главе 7 он упоминает сочинение, именуемое *Неджат ал-мулук*, откуда приводит три цитаты, имеющие соответствия в части 1 трактата ал-Газали. Известно, что искажение заглавий сочинений недобросовестными копиистами — случай нередкий, и само «Наставление правителям» в разных рукописях и переводах могло именоваться, например, *Тухфат ал-мулук*, *Сират ал-мулук*, *Харидат ал-сулук* или *Натиджат ал-сулук* (Bagley, 1964, p. XX). Однако, если предположить, что попавший в руки Бухари оригинал трактата ал-Газали в самом деле был озаглавлен *Неджат ал-мулук* («Спасение/освобождение/царей»), трудно представить, почему лишь в главе 7 он прямо ссылается на свой первоисточник — скорее всего, это название является измышлением самого Бухари. Кроме того, в главе 5 он приводит сюжет, взятый, по его словам, из сочинения, озаглавленного *Наса'их ал-мулук*. Можно было бы посчитать это вариантом заглавия *Насихат ал-мулук* (*nasa'ih* — мн.ч. от *nasihat* — «наставление»), однако отрывка, приведенного Бухари со ссылкой на *Наса'их ал-мулук*, в трактате ал-Газали не обнаруживается.

Как можно убедиться из прилагаемых таблиц, свои заимствования из «Наставления правителям» Бухари скрывал двойным образом — либо умалчивая об источнике цитирования, либо же посредством мнимых ссылок. Это означает, что многие сочи-

¹⁶ Противоположной точки зрения придерживается Ф. Бэгли (Bagley, 1964, p. LI).

нения, упоминаемые Бухари как источники для написания его трактата, по сути дела таковыми не являлись. Так, в 10-й главе, посвященной обязанностям министров и явившейся вольным переложением соответствующей главы трактата ал-Газали, Бухари по большей части вообще обходится без ссылок или же по ходу повествования «ссылается» на такие сочинения, как *Адаб ал-вузара*’, *Адаб ал-‘умара*’, *Тухфат ал-вузара*’, *Ахкам ал-хуккам*, *Сифат ал-вузара*’ и *Китаб ал-инсан*. Однако само расположение и четкая последовательность этих цитат выдает первоисточник, которым пользовался Бухари, — «Наставление правителям» ал-Газали.

Если бы указанные ссылки были достоверны, то по логике вещей они должны были бы встречаться в соответствующих местах у ал-Газали. Однако последний, вводя в повествование исторические анекдоты и изречения, обычно ссылается не на какое-то *адабное* сочинение, а на хадис¹⁷ либо на конкретное лицо — передатчика соответствующего сюжета: «Рассказывал Ибн Аббас...», «Говаривал Хузайфа Ибн ал-Йаман...», «Поведал ‘Абдаллах Ибн Мас‘уд...» — или же просто заявляет: «Рассказывают, что...», «Мудрецы говаривали...», «Предание гласит...». Подобные «безличные» вводные обороты особенно характерны для части 2 трактата ал-Газали¹⁸. Очевидно, таким образом, что Бухари украшал заимствования из *Насихат ал-мулук* придуманными ссылками, плодом его собственного вымысла.

Сам факт обнаружения скрытых заимствований из ал-Газали вполне естественно вызывает вопрос о добросовестности Бухари как компилятора — если понимать под «добросовестностью» аутентичность его цитирования. Разумеется, в традиции *адаба* авторы чаще всего не утруждали себя ссылками на источники, особенно если речь шла о едва ли не общеизвестных афоризмах и «бродячих» назидательных сюжетах¹⁹. Да и сам Бухари сплошь да рядом обходился без них и ограничивался вводными словами «Рассказывают, что однажды...», а то и прямо, без преамбул, переходил к сути дела («Жил некогда в Персии царь...»). Однако Бухари не просто умалчивал о своем важнейшем первоисточнике (трактате ал-Газали), но и стремился создать видимость, будто он досконально изучил все важнейшие образцы литературы адаба, не говоря уже о Коране, хадисах, Торе и наиболее выдающихся произведениях арабо-мусульманской историографии.

* * *

Скрытое цитирование ал-Газали в трактате Бухари естественно заставляет усомниться в достоверности всех прочих цитат. Очевидно, что из пяти десятков сочинений, на которые ссылается Бухари, дабы показать себя начитанным и эрудированным писателем, знатоком *адабной* традиции, далеко не все использовались им фактически. В то же время список упомянутых им книг дает представление о том, каким, по его мнению, «в идеале» должен был быть круг источников, привлекаемых при написании зеркала. Целесообразно поэтому обратиться сначала к этому общему списку, а затем проверить, как он соотносится с реально использованными им произведениями.

Составив список текстов, названных Бухари, с учетом всех случаев их упоминания (вхождений), можно обнаружить, что лишь незначительная часть этих текстов может

¹⁷ Характерным для ал-Газали было цитирование неканонических хадисов (см.: Crone, 1987, p. 171).

¹⁸ Пожалуй, единственным исключением является ссылка ал-Газали на *Сийар ал-мулук*, откуда им был заимствован сюжет об Исмаиле Самани (см.: Bagley, 1964, p. 70), однако именно этот сюжет у Бухари не представлен.

¹⁹ Так, ссылок на источники не встречается ни в *Сиясет-намэ* Низама ал-Мулка, ни в *Кабус-намэ* Кай-Кавуса, ни в *Китаб ал-Тадж* (Книге Короны) псевдо-Джахида, ни у самого ал-Газали.

быть однозначно и достоверно идентифицирована и атрибутирована²⁰. В соответствии с этим критерием все упоминаемые сочинения можно условно подразделить на три группы.

К первой относятся такие широко известные в мусульманском мире источники, как трактат по этике *Ахлак ал-Мухсени* («Этика Мухсина») Хусейна Кашифи, посвященный правителю Мерва, тимуридскому принцу Мухсину, сыну Султан-Хусейна Мирзы (1469–1506) — 2 ссылки; *Адаб ал-катиб* («Правила для секретарей») Ибн ал-Кутайбы (828–889) — 2 ссылки; поэма *Китаб ал-асрап* («Книга тайн») великого персидского поэта-суфия Фаридаддина Атгара, написанная около 1188 г., — 1 ссылка; трактат Наджм ад-Дина Насафи '*Акаид* («Догматы веры»), содержащий изложение основ ислама (нач. XII в.), — 1 ссылка; *Шар'* '*Акаид* («Толкование «Догматов веры» [Насафи]»), принадлежащее перу Са'д ад-Дина Мас'уда ат-Тафтазани (XIV в.), — 1 ссылка; хроника Абу Джафара Мухаммада Ибн Джарира ат-Табари (838–923) *Та'рих ал-умам ар-русул ва-л-мулук* («История пророков и царей») — 2 ссылки; зеркало для визирей *Тухфат ал-вузара'*, принадлежащее перу неизвестного компилятора и ошибочно приписываемое в традиции ас-Са'алиби²¹, — 1 ссылка; *Ахд-намэ 'Умар* («Договор Омара») — правовой документ неустановленной датировки, регулирующий статус, права и обязанности немусульман в мусульманском государстве, — 1 ссылка; и, наконец, *Тауриййа* («Тора» — Пятикнижие Моисеево, включающее в себя пять библейских книг: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие) — 1 ссылка.

Ко второй группе цитируемых источников принадлежат те, чьи названия стали по сути дела жанровыми определениями и чье авторство, а тем самым и датировка, по этой причине не могут быть установлены точно. Это относится, например, к *Кысас ул-анбийя* («Рассказы о пророках») — распространенному жанру литератур арабомусульманского культурного ареала. Однако, поскольку Бухари не имел привычки называть имена авторов цитируемых им источников²², достоверно судить, чье именно сочинение он имел в виду, невозможно.

То же относится и к *Танбих ал-зафилин* («Наставление беспечным») — 3 ссылки. Две из них являются мнимыми, скрывающими под собой заимствования из *Насихат ал-мулук* ал-Газали. Третья сноска — просто на *Танбих* — у ал-Газали не находит соответствий. Если и она не является мистификацией, то, возможно, Бухари имел здесь в виду одноименное сочинение Абу-л Лаиса ас-Самарканди (ум. 983), творения которого были весьма популярны в Нусантаре (Voorthoeve, 1957, p. 364; Howard, 1966, p. 11), однако из числа потенциальных авторов не следует исключать исмаилитского верховного проповедника Хатима Ибн Ибрахима ал-Хусейна ал-Хамиди (ум. 596/1199), Шаха Бахауддина Накшбанда, имама суфийского тариката Накшбандийя (XIV в.); и еще ряд позднейших мусульманских писателей. Сочинение (сочинения?), обозначаемое Бухари как *Китаб Та'рих* («История»), также невозможно идентифицировать. Отождествить его с уже упомянутой хроникой ат-Табари (*Та'рих ал-умам ар-русул ва-л-мулук*) невозможно по той причине, что со ссылкой на эту книгу Бухари приводит историю, героем которой является султан Хумайун, сын Бабура, из династии Великих Моголов, живший в XVI в.

Особое место в кругу цитируемых Бухари источников этой группы занимает *Сий-ар ал-мулук* («Жития царей») — 3 ссылки. В ряду сочинений, фигурирующих под

²⁰ См. прилагаемые таблицы.

²¹ Ошибочность этой атрибуции доказана Региной Хайнеке — исследователем и издателем зеркала XIII в. *Tuhfat al-Wuzara* на немецком языке (см. Heinecke, 1975, p. 23–26).

²² Исключением является, пожалуй, лишь *Китаб ал-асрап* («Книга тайн», автора которой — «шейха Атгара» — Бухари называет по имени).

подобным заглавием, наибольшей известностью в традиции пользовалось созданное не позднее 1110 г. зеркало для правителей, принадлежавшее перу сельджукского вазира Низама ал-Мулка, более известное под его персидским названием — *Сиясет-намэ* (Сиасет-наме, 1949). Это обстоятельство породило предположения, что Бухари, упоминая *Сийар ал-мулук*, имел в виду именно *Сиясет-намэ*. Во вступительной части своего трактата Бухари упоминает *Сийар ал-мулук* в числе источников, использованных им при написании «Короны царей», и в дальнейшем ссылается на эту книгу дважды — цитируя истории о сасанидском царе Бахраме и о «праведном» халифе Омаре. Однако ни та ни другая истории в *Сиясет-намэ* не обнаруживаются, хотя в целом в ряду исторических анекдотов, приводимых Бухари в качестве иллюстраций, не менее 4-х встречаются также и в зеркале Низама ал-Мулка.

Как известно, название *Сийар ал-мулук* было впервые использовано Ибн ал-Мукаффой (724–759) в качестве арабского эквивалента переведенного им с пехлеви *Хвадайнамаг* — сборника жизнеописаний персидских царей. Впоследствии то же название — *Сийар ал-мулук* — получил целый ряд арабских сочинений, посвященных истории Персии и восходивших к этому переводу, в их числе — фундаментальный труд ас-Са‘алиби (Al-Tha‘alibi, 1800, р. XLI–XLIV), посвященный истории персидских царей от Кайумарса до Газневидов, и известный под заглавием *Горар ахбар ал-мулук* или *Горар фи сийар ал-мулук*. Очевидно, таким образом, что заглавие *Сийар ал-мулук* само по себе не позволяет однозначно идентифицировать сочинение, упоминаемое Бухари. Ясно и другое: ссылаясь на *Сийар ал-мулук*, автор «Короны» вряд ли имел в виду *Сиясет-намэ* Низама ал-Мулка. То же относится и к цитатам из *Ахбар ал-мулук* («Известия [о] царях») — 5 ссылок: определить по одному лишь заглавию, о каких именно источниках здесь может идти речь, практически невозможно²³. В этом же ряду стоит и *Адаб ал-мулук* («Правила [нравственного поведения] для царей») — на него 4 ссылки. Такое весьма распространенное в традиции название носило не только сочинение ас-Са‘алиби (961–1038) (Tha‘alibi, Abu Mansur ‘Abdalmalik, 1808), но и анонимный суфийский трактат XI в. (Gramlich, 1993), и иные сочинения. Усомниться в достоверности ссылок на этот источник заставляет то, что 2 из 4 цитат являются скрытыми заимствованиями из трактата ал-Газали.

К третьей, достаточно многочисленной, группе источников ссылок принадлежат сочинения, чьи названия не удалось идентифицировать. Это *Иджад ал-‘абад* («Сотворение людей»), *Ахкам ад-дин* («Установления веры»), *Китаб таирих* («Анатомия»), *Ахлак ал-мурсалин* («Нравы посланных [Аллахом]»), *Китаб а‘каб* («Книга [о] потомстве»), *Занджир ал-мулук* («Цепь царей»), *Фада‘ил ал-мулук* («Добродетели царей»), *Ахлак ас-салатин* («Нравы султанов»), а также уже упомянутые мнимые ссылки во фрагментах, взятых у ал-Газали: *Адаб ал-‘умара’* («Правила [нравственного поведения] для правителей»), *Адаб ас-салатин* («Правила [нравственного поведения] для султанов»), *Сифат ас-салатин* («Свойства султанов»), *Китаб ал-инсан* («Книга [о] человеке»), *Мир‘ат ал-‘адил* («Зерцало справедливого»), *Фазилат ал-‘адалат* («Достоинство справедливости») и некоторые другие, имеющие в большинстве своем характерные адабные заглавия. Скорее всего, немалая часть названий сочинений этой группы — плод авторского вымысла, стремления придать вес повествованию и показать, что Бухари при написании «Короны» проработал весьма обширный материал.

Очевидно, что достоверность цитирования сочинений, принадлежащих второй и третьей группам, едва ли может быть установлена. Что же касается цитат из сочи-

²³ Помимо сочинения ас-Са‘алиби под этим названием, см., напр., сочинение *Китаб ас-Силет ал-Гали ас-Саман фи ахбар ал-мулук мин ал-гузд би ал-йаман Мухаммада Ибн Хатима Хамдани, Ахбар ал-мулук бани ‘Убайд ва Сийаратихим Ибн Хаммада* и др.

нений первой группы, то из их списка сразу следует исключить мнимые ссылки, призванные скрыть заимствования из ал-Газали: это псевдоцитаты из *Ахлак ал-Мухсени* Хусейна Кашифи и *Адаб ал-катиб* Ибн ал-Кутайбы, *Та'рих ал-умам ар-русул ва-л-мулук* ат-Табари и Торы. Персидское изречение, которое Бухари объявляет взятым из поэмы *Китаб ал-асрар* («Книга тайн») Фаридадина Аттара, на самом деле таковым не является, а его истинный источник еще предстоит выяснить. В тексте «Короны царей» оно выглядит «цитатой в цитате», а обрамляющая весь фрагмент ссылка на *Тухфат ал-вузара* псевдо-Са'алиби также является мнимой.

* * *

Как уже говорилось выше, центральным по своему значению источником фактических заимствований для Бухари явились части 1 и 2 трактата ал-Газали, фрагменты которых нередко располагались автором «Короны царей» совсем в иной последовательности, а главы 1–2, 13, 14, 18, 19, 21–24 вообще не содержат материала, взятого из «Наставления правителям». Однако список достоверных источников для написания «Короны царей» трактатом ал-Газали не ограничивается. В их числе упомянем также сочинение Наджм ад-Дина Насафи *'Акаи́д* («Догматы веры»), с которым у «Короны» обнаруживается ряд прямых текстуальных совпадений в главе 2. За цитатой из сочинения Насафи непосредственно следует еще одно высказывание, взятое, по утверждению Бухари, из *Шарх 'Акаи́д* («Толкование „Догматов веры“ [Насафи]») Са'д ад-Дина Мас'уда ат-Тафтазани (XIV в.).

Как «Догматы веры» Насафи, так и «Толкование» Тафтазани принадлежит к числу сочинений, имевших в Нусантаре достаточно широкое хождение. С расцветом переводческой деятельности малайцев на рубеже XVI–XVII вв. в обиходе читающей публики появляются арабские сочинения с подстрочным переводом на малайский или яванский языки, способствующие и распространению исламской доктрины, и выработке и последующему введению в обиход малайских словарных эквивалентов многих важнейших понятий ислама (al-Attas, 1988, p. 3–4, 87–96). К числу наиболее ранних сохранившихся рукописей может быть отнесен кембриджский список «Догматы веры» ан-Насафи с его подстрочным малайским переводом, датируемый примерно 1590 г. (al-Attas, 1988, p. 33).

Ссылку на ан-Насафи в главе 2 «Короны царей», судя по содержанию цитат, следует признать достоверной. Это не относится, однако, к предполагаемой цитате из *Шарх 'акаид* ат-Тафтазани, которая у Бухари звучит так: «Если под семью ярусами земли наималейший муравей вздохнет, Преславному и Всевышнему ведомо, что вздох этого муравья исходит из самого Его Бытия и туда же возвращается» (Elder, 1950). Подобной фразы в трактате ат-Тафтазани нет. Напротив, аналогичный образ встречается в «Кредо» ал-Газали, изложенном в томе II его трактата *Ихья 'улум ад-дин*: «Он [Аллах] чувствует, как в ночи черный муравей ползет по утесу, Он улавливает движение пылинки в воздухе...» (Zwemer, 1920, p. 155).

Появление мнимой цитаты из ат-Тафтазани следом за достоверной ссылкой на ан-Насафи можно объяснить тем, что в арабской рукописной традиции текст «Догматов веры» нередко сопровождался «Толкованием „Догматов веры“ [Насафи]» ат-Тафтазани (Vooghoeve, 1957, p. 17). Возможно, Бухари стремился следовать этому примеру, однако вместо цитаты из «Толкования» привел фразу, навеянную тем же ал-Газали. По имеющимся данным, полный перевод «Толкования» на малайский был выполнен лишь в 1630-х гг. богословом и писателем, шейхом Нуруддином ар-Ранири (al-Attas, 1988, p. 8).

В ряду установленных источников для написания «Короны царей» особое место занимает документ, известный как *Ахд-намэ 'Умар* («Договор Омара»), — свод правил, регулирующих поведение *зимми* — представителей неарабских и немусульманских общин — в мусульманском государстве. Авторство этого документа достоверно не установлено — он приписывается халифу 'Умару Ибн ал-Хаттабу (правил 634–644) или же 'Умару Ибн 'Абд ал-'Азизу (правил 717–720), однако, по некоторым мнениям, «Договор Омара» является апокрифом XII в. (Jehel, Racinet, 1997, p. 84–85). Изложению его содержания Бухари полностью отводит главу 21 своего сочинения.

Наиболее вероятно, что «Договор Омара» был заимствован им из известного политического трактата *Сирадж ал-мулук*²⁴, принадлежащего перу Мухаммада ибн ал-Валида ат-Туртуши, известного также как Ибн Аби Рандака (1060–1126): рукописи этого сочинения имели хождение в Нусантаре (Voorghoeve, 1957, p. 339). Уроженец Тортосы (Испания), аскет и ученый, автор *Сирадж ал-мулук* объехал многие города Ближнего Востока — Багдад, Басру, Дамаск и Иерусалим: сначала учился, а затем стал преподавать сам. Последние годы жизни ат-Туртуши провел в Египте, где и закончил в 1122 г. свой обширный, состоящий из 64 глав, трактат, посвященный вопросам политики и государственного управления.

Помимо материалов, восходящих к пехлевийской традиции, *Сирадж ал-мулук* также содержит ссылки на высказывания индийского мудреца «Шабак», дошедшие до ат-Туртуши через посредство персидских источников (Zakhariae, 1914, p. 182; Richter, 1932, p. 92). «Шабак» — вернее, «Шанак» — это не кто иной, как Чанакья (Каутилья) — легендарный автор *Артхашастры* («Науки о пользе»). Сочинение ат-Туртуши демонстрирует прямую линию преемственности между древнеиндийской, среднеперсидской и арабо-мусульманской традициями и хронологически замыкает цепочку виднейших дидактических сочинений конца XI — начала XII в.: трактатов Кай-Кавуса, Низама ал-Мулка и ал-Газали.

Согласно некоторым данным, ат-Туртуши соперничал с ал-Газали и сочинил *Сирадж ал-мулук* в надежде превзойти его трактат «Наставление правителям» (Brockelmann, 1937–1942, vol. 1, p. 829–830). Как бы то ни было, в традиции эти книги, по видимому, нередко сравнивали между собой: так, вряд ли случайно на полях каирского издания *Сирадж ал-мулук* 1860 г. был напечатан арабский перевод трактата ал-Газали (Brockelmann, 1937–1942, vol. 1, p. 91–92). Вероятно, и Бухари, обращаясь в поисках материала к различным источникам, не смог обойти вниманием *Сирадж ал-мулук*. К сожалению, недоступность для нас текста ат-Туртуши не позволяет выяснить, был ли «Договор Омара» у Бухари единственным заимствованием из его трактата.

Воспроизводя «Договор Омара» по-малайски, Бухари довольно точно следует оригиналу (см. текст «Договора Омара» в: Magre, 1878, p. 323, прим. 1) — в его версии отсутствует лишь пункт, касающийся запрета на обучение Корану детей из немусульманских семей. Разумеется, религиозно-исторический контекст, вызвавший к жизни «Договор Омара», сильно отличался от обстановки, сложившейся к концу XVI в. в Аче и Джохоре, когда создавалась «Корона царей». Тем не менее, стадийно обе эти эпохи обнаруживают существенную черту общности: стремление правителей стран победившего ислама законодательно урегулировать свои отношения с социальными группами, исповедующими иную веру.

²⁴ *Сирадж ал-Мулук* ал-Туртуши неоднократно издавался по-арабски (Siraj al-muluk, 1354), а также переводился на испанский (Siraj al-muluk, 1930–1931).

**Реальные и мнимые источники заимствований
в «Короне царей»**

Номер и название главы	Заявленные источники (достоверные выделены подчеркиванием)	Установленные источники заимствований	Примечания
Введение	<i>Минхадже ас-салатин,</i> <i>Ахлак ал-Мухсени,</i> <i>Сарр ал-мулук,</i> <i>Сифат ал-мулук,</i> <i>Ахбар ал-мулук,</i> <i>Сифат ас-салатин,</i> <i>Адаб ал-амур</i>	Начальная цитата- <i>Насихат ал-мулук,</i> с. 46	Часть названных источников в дальнейшем не упоминается
1. О познании самого себя	<i>Ахкам ад-дин,</i> <i>Идждад ул-абад,</i> <i>Тафсир</i>	<i>Кимийа-йи саадат</i>	Заимствована общая концепция
2. О сотворении мира Аллахом	<u><i>'Акаид, Шар' 'акаид</i></u>	<i>'Акаид, Шар' 'акаид</i>	Есть параллели с <i>Ихъа 'улум ад-дин</i>
3. О мироздании и месте человека в нем	—	<i>Насихат ал-мулук</i>	
4. О конце жизненного пути человека	<i>Танбих ал-гафилин</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
5. О сущности власти правителя	<i>Кысас ул-анбийа,</i> <i>Адаб ал-мулук,</i> <i>Ахлак ал-мурсалин,</i> <i>Ахбар (хадисы),</i> <i>А'каб,</i> <i>Сийар ал-мулук</i>	<i>Насихат ал-мулук,</i> <i>Кимийа-йи саадат</i>	
6. О справедливости	<i>Занджир ал-мулук,</i> <i>Фада'ил ал-мулук,</i> <i>Ахлак ас-салатин,</i> <i>Адаб ал-мулук,</i> <i>Адаб ас-салатин</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
7. О нравах справедливых владык	<i>Сифат ас-салатин,</i> <i>Адзбар ас-салатин,</i> <i>Тауриййа,</i> <i>Адаб ал-'умара',</i> <i>Неджат ал-мулук,</i> <i>Мир'ат ал-адил,</i> <i>Адаб ас-салатин</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
8. О неверных, но справедливых царях	<i>Ахлак ал-Мухсени,</i> <i>Ахбар ал-мулук,</i> <i>Фадилат ал-адалат,</i> <i>Та'рих, Та'рих ал-умам</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
9. О тирании и тиранах	<i>Тафсир,</i> <i>Та'рих</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	

Продолжение табл. 1

Номер и название главы	Заявленные источники (достоверные выделены подчеркиванием)	Установленные источники заимствований	Примечания
10. О министрах	<i>Сифат ас-салатин</i> , <i>Адаб ал-вузара</i> , <i>Адаб ал-'умара</i> , <i>Тухфат ал-вузара</i> , <i>Мафа'ил ал-мулук</i> , <i>Ахкам ал-хуккам</i> , <i>Сифат ал-вузара</i>	<i>Насихат ал-мулук</i> , <i>'Уйун ал-ахбар</i> (1 цитата)	
11. О пишущих	<i>Ал-Инсан</i> , <i>Адаб ал-катиб</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
12. О посланниках	<i>Сифат ал-мурсалин</i> , <i>Адаб ар-расул</i> , <i>Та'рих</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
13. О государевых служащих	<i>Та'рих</i>	—	
14. О воспитании детей	<i>Адаб ал-аулад</i>	—	
15. О нравственном величии	<i>Сифат ас-салатин</i> , <i>Сифат ал-мулук</i> , <i>Сифат ал-хукама</i> , <i>Та'рих</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
16. Об уме и умных людях	<i>Сифат ал-'укала</i> , <i>Сифат ал-'акл</i> <i>ва-л-'акил</i>	<i>Насихат ал-мулук</i>	
17. О правилах управления государством	<i>Сифат ал-мулук</i> , <i>Фада'ил ас-салатин</i>	<i>Кимийа йи-са'адат</i> / <i>Насихат ал-мулук</i>	Повтор положений глав 5, 6 и 7
18. О <i>киафат</i> и <i>фирасат</i>	<i>Ма'рифат ан-нас</i>	—	
19. Физиогномические приметы	—	—	
20. Отношения царя и подданных	<i>Ахбар ал-мулук</i>	<i>Насихат ал-мулук</i> (неявно)	Повтор положений глав 7 и 17
21. Отношение к неверующим подданным	<u><i>Ахд-намэ 'Умар</i></u>	<i>Ахд-намэ 'Омар</i> (из <i>Сирадж ал-мулук</i>)	
22. О щедрости	<i>Сийар ал-мулук</i> , <i>Адаб ас-салатин</i>	—	
23. О верности слову	<i>Зинат ал-мулук</i>	—	
24. Заключительная	—	—	

Таким образом, как было можно убедиться, реальными и достоверными источниками написания «Короны царей» явились *Насихат ал-мулук* ал-Газали, *'Акаид* ан-Насафи, *Шар'* *'акаид* ат-Тафтазани и *Сирадж ал-мулук* ат-Туртуши. Не исключено, разумеется, что если бы проверке могли подлежать некоторые неустановленные источники второй группы (*Сийар ал-мулук*, *Кысас ал-анбийа*), этот список оказался бы несколько шире. Ложные ссылки у Бухари были призваны, по-видимому, не только скрыть масштабные заимствования из ал-Газали, но и придать некий легальный статус тем фрагментам — полуфольклорным по своей сути изречениям, притчам и анекдотам, — которые автор, весьма возможно, черпал из ресурсов собственной памяти.

Цитаты из Насихат ал-мулук в «Короне царей»

Номер главы «Короны»	Источник цитаты согласно Бухари	Цит. по изданию Ф. Бэгли (Bagley, 1964) (ч. 1 — стр. 1-44; часть 2 — стр. 45-173)
Вступление	не обозначен	46
3	не обозначен	31 (Ч. 1)
3	не обозначен	31-32
3	не обозначен	33-34
3	не обозначен	35-36
4	не обозначен	38
4	Танбих ал-гафилин	44
4	не обозначен	38
4	Танбих ал-гафилин	39
5	Кысас ал-анбийа	47
5	Адаб ал-мулук	45
5	не обозначен	17
5	не обозначен	108 и 157
5	не обозначен	169-170
5	не обозначен	59-60
6	не обозначен	92
6	Занджир ал-мулук	14
6	Фада'ил ал-мулук	14
6	Адаб ал-мулук	59
7	Сифат ас-салатин	19
7	не обозначен	19
7	не обозначен	20
7	не обозначен	21-22
7	не обозначен	68
7	не обозначен	54
7	не обозначен	70
7	не обозначен	77
7	не обозначен	23
7	не обозначен	20-21
7	Тора	23
7	не обозначен	66
7	не обозначен	31
7	не обозначен	78-79
7	не обозначен	79
7	не обозначен	25
7	не обозначен	25
7	Неджат ал-мулук	27
7	Неджат ал-мулук	29
7	Неджат ал-мулук	29
7	не обозначен	29
7	Сийар ал-мулук (не Сиясет-намэ)	29
7	не обозначен	30
7	Мир'ат ал-'адил	30

Продолжение табл. 2

Номер главы «Короны»	Источник цитаты согласно Бухари	Цит. по изданию Ф. Бэгли (Bagley, 1964) (ч. 1 — стр. 1–44; часть 2 — стр. 45–173)
7	не обозначен	30
7	не обозначен	30
7	не обозначен	31
7	не обозначен	31
7	не обозначен	90
7	Адаб ас-салатин	80
7	Адаб ас-салатин	88
7	Адаб ас-салатин	88
8	Тарих ал-умам	55
8	не обозначен	55–56
8	не обозначен	61
8	Ахлак ал-Мухсени	81–82
8	Ахбар ал-мулук (кит. имп.)	21
8	Та'рих	46
8	Та'рих ал-умам	47–50
9	не обозначен	15–16
9	не обозначен	16–17
10	Та'рих	45–46
10	Сифат ас-салатин	106
10	Адаб ал-вузара'	
10	Адаб ал-'умара'	
10	Тухфат ал-вузара'	106–107
10	не обозначен	107
10	Ахкам ал-хуккам	108
10	Сифат ал-вузара'	108
10	Сифат ал-вузара'	109
10	не обозначен	63–64
10	не обозначен	93
10	не обозначен	94
10	не обозначен	96
10	не обозначен	108
10	не обозначен	88
10	не обозначен	88
10	не обозначен	102–103
10	не обозначен	113
11	Ал-Инсан	113–114
11	Ал-Инсан	117–118
11	Адаб ал-катиб	118
12	не обозначен	100
12	Та'рих	100
12	не обозначен	100–101
15	не обозначен	119
15	не обозначен	119
15	не обозначен	120
15	не обозначен	120
15	Сифат ал-мулук	120–121

Номер главы «Короны»	Источник цитаты согласно Бухари	Цит. по изданию Ф. Бэгли (Bagley, 1964) (ч. 1 — стр. 1–44; часть 2 — стр. 45–173)
15	не обозначен	121
15	Сифат ал-хукама'	112
15	не обозначен	122
15	не обозначен	171–172
16	Сифат ал-'укала'	149
16	Сифат ал-'укала'	149–150
16	Сифат ал-'акл ва-л-'акил	150
16	не обозначен	153
16	не обозначен	154
16	не обозначен	154
16	не обозначен	154
16	не обозначен	155
16	не обозначен	155
16	Сифат ал-'укала'	155
16	не обозначен	155–156
16	не обозначен	156
16	не обозначен	135
16	не обозначен	137
17	Десять правил из Сифат ал- мулук	28–29
17	не обозначен	29
17	не обозначен	29
17	не обозначен	30
17	не обозначен	31
17	не обозначен	14
17	не обозначен	19
17	не обозначен	25
17	не обозначен	23
17	не обозначен	30
20	не обозначен	25
20	не обозначен	30
20	не обозначен	19

Список цитируемой литературы

- al-Attas, Syed Muhammad Naquib.* Raniri and the Wujudiyah of the 17th Century Aceh // Monographs of the Malaysian Branch Royal Asiatic Society III. Singapore, 1966.
- al-Attas, Syed Muhammad Naquib.* The Oldest Known Malay Manuscript: A 16th Century Malay Translation of the 'Aqā'id of al-Nasafī. Kuala Lumpur, 1988.
- Al-Tha'alibi.* Histoire des Rois des Perses. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. P., MDCCC (1800).
- Asdi S. Dipodjojo (ed.).* Taju'ssalatin. Yogyakarta, 1981.
- Bagley F.R.C.* Ghazali's Book of Counsel for Kings (Nasihat al-muluk), Translated by F.R.C. Bagley. L., N. Y., Toronto, 1964.
- Beaulieu A.* Mémoires d'un voyage aux Indes Orientales by Augustin de Beaulieu, an Early Seventeenth-Century Account. P.: École Française d'Extrême-Orient and Maisonneuve & Larose, 1996.

- Brakel L.F.* Hamza Pansuri // Journal of Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society, 1979. LII, № 1.
- Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Literatur: Weimar, 1898–1902. Suppl.: Leiden, 1937–1942.
- Bukhari al-Jauhari.* Taj us-salatin, di-usahakan oleh Khalid Hussain. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 1966.
- Crone P.* Did al-Ghazali Write a Mirror for Princes? On the Authorship of *Nasīhat al-mulūk* // Jerusalem Studies of Arabic and Islam. 1987, vol. 10. P. 167–197.
- Elder E.E. (tr.).* A Commentary on the Creed of Islam. Sa'd ad-Din al-Taftazani on the Creed of Najm al-Din al-Nasafi // Records of Civilization Sources and Studies. № XLIII. N. Y.: Columbia University Press, 1950.
- Gibson-Hill C.A.* The Alleged Death of Sultan 'Alaud din of Johor at Aceh in 1613 // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. 1956, vol. XXIX, part 1.
- Gramlich R. (ed.).* Die Lebensweise der Könige. Adab al-muluk. Ein Handbuch zur Islamische Mystik. Eingeleitet, übersetzt und kommentiert von Richard Gramlich. // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, herausgegeben von der Deutsche Morgenländischen Gesellschaft 3. Stuttgart, 1993.
- Gray A., Bell H.C. (ed., tr.).* The Voyage of François Pyrard of Laval to the East Indies, the Maldives, the Moluccas and Brazil, Translated from the French by Albert Gray, Assisted by H.C.P. Bell, Haklyut Society, LXXVI–LXXVII. 2 vols. in 3 parts. Part 1. L., 1887–1890.
- Heinecke R.* Tuhfat al-Wuzara': der Wezirs-Spiegel eines unbekanntenen Kompilators aus der ersten Hälfte des 7/13 Jahrhunderts. Beirut: Dar al-Qalam Press, 1975.
- Hillenbrand C.* Islamic Orthodoxy or Realpolitik? Al-Ghazali's Views on Government // Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies. 1988, XXVI.
- Hooykaas C.* Over Maleische literatuur. Leiden: Brill, 1947.
- Howard J.N.* Malay Manuscripts. A Bibliographical Guide. Kuala Lumpur, 1966.
- Jehel G., Racinet Ph.* Le christianisme face à l'Islam // Le christianisme du début du VII-e au milieu du XI-e siècle. Éditions du Temps, P., 1997.
- Jelani Harun.* Kitab Kumpulan Ringkas Berbetulan Lekas: Karya Ketatanegaraan Melayu Yang Terakhir // Sari, Institut Alam dan Tamadun Melayu, Universiti Kebangsaan Malaysia. 2001, № 19. P. 133–158.
- Lombard, Denys.* Le Carrefour Javanais. Essai d'histoire globale. v. II, Les réseaux asiatiques. P., 1990.
- Lombard, Denys.* Le Sultanat d'Atjéh au temps d'Iskandar Muda. 1607–1636. P., 1967.
- Markham C.H. (ed.).* The Voyages of Sir James Lancaster, Kt, to the East Indies, ed. By C.H. Markham, Haklyut Society, LVI. L., 1877.
- Marre A. (tr., ed.).* Makota raja-raja ou La Couronne des Rois, par Bokhari de Djohore. Traduit du malais et annoté par Aristide Marre. P., 1878.
- Poerwasoewignja R., Wirawangsa, R.* Pratelan Kawoetenaning Boekoe-boekoe basa Djawi. s.l., 1920.
- Pyrard de Laval F.* Voyages de François Pyrard de Laval contenant sa navigation aux Indes Orientales, Maldives, Moluques et au Brésil. Tome II. P., 1619.
- Richter G.* Studien zur Geschichte der älteren arabischen Fürstenspiegel. Lpz., 1932.
- Roorda van Eysinga P.P. (ed.).* De Kroon aller koningen, van Bocharie van Djohor, naar een oud Maleische geschrift vertaald. Batavia: Lands Drukkerij, 1827.
- Siraj al-muluk, Lampara de Principes. Sp. transl. M. Alarcon. Madrid, 1930–31.
- Siraj al-muluk. Cairo: Al-Matba'at al-Mahmudiyyah, 1354.
- Tha'alibi, Abu Mansur 'Abdalmalik.* Adab al-muluk al-Xwarizmšah. Hs. Esat Efendi, s.l., 1808.
- Voorhoeve P.* Catalogue of Achenese Manuscripts (in Cooperation with T. Iskandar). Leiden, 1994.
- Voorhoeve P.* Handlist of Arabic Manuscripts in the Library of the University of Leiden and Other Collections in the Netherlands. Leiden, 1957.
- Zakhariae, Th.* Die Weitsheitsprüche des Šānāq bei aṭ-Ṭortūšī // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXVIII. Wien, 1914.
- Zwemer, Samuel M.* A Moslem Seeker after God: Showing Islam at Its Best in the Life and Teaching of Al-Ghazali, Mystic and Theologian of the Eleventh Century. N. Y., Chicago, L., Edinburgh: Fleming H. Revell Company, 1920.

Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ат-Туси. Кимиййа йи-са‘адат («Эликсир счастья») Часть 1: ‘Унваны 1–4. Рукн 1. Пер. с персидского, введение, комментарий и указатели А.А. Хисматулина. СПб., 2002.

Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ат-Туси. Кимиййа йи-са‘адат («Эликсир счастья»). Часть 2. Рукн 2: Обычаи. Пер. с персидского, введение, комментарий и указатели А.А. Хисматулина. СПб., 2007.

Брагинский В.И. История малайской литературы VII–XIX веков. М., 1983.

Винстедт Р. Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы. М., 1966.

История стран зарубежной Азии в Средние века. М., 1970.

Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низама ал-Мулька. Пер., введение в изучение памятника и примечания проф. Б.Н. Заходера. М.–Л., 1949.

Summary

L.V. Goriaeva

On True and False Sources of the Malay Mirror “The Crown of the Kings” (Bukhari al-Jauhari, al-Ghazali and Others)

The didactic treatise “Taj as-Salatin” (The Crown of the Kings) dated 1603 is the first and the most important Malay composition in the Mirror-for-princes genre, written upon the patterns of Arab and Persian Muslim *adab* works. Its author, of whom only the name — Bukhari al-Jauhari — is known, refers to about fifty works he used as sources while writing his book — from the Torah and the Quran to *hadiths*, Arab and Persian works on ethics, history, medicine and didactics. However, almost all of them turned out to be not authentic. The basic source used by Bukhari was the famous mirror by al-Ghazali — *Nasihah al-Muluk* (*The Book of Counsel for Kings*), together with such works by al-Ghazali contemporaries as *‘Aqaid* (*The Creed of Islam*) by Najm ad-Din an-Nasafi and *Siraj al-Muluk* (*The Light of Kings*) by Muhammad ibn Walid at-Turtushi.